

ИМЕННЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С МЕСТОИМЕННЫМ ПОСЕССОРОМ В ВАСЮГАНСКОМ, СРЕДНЕОБСКОМ И НАРЫМСКОМ ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

В.В. Воробьева, Н.В. Полякова

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.У26.31.0014) в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур».

Аннотация. Исследуются именные посессивные конструкции и морфосинтаксические средства маркирования посессивности в трех диалектах селькупского языка, находящихся под угрозой исчезновения: васюганском, нарымском и среднеобском. Селькупский язык распространен на территории Ямало-Ненецкого автономного округа и территории Томской области. На сегодняшний день коммуникативная значимость селькупского языка резко снижается из-за того, что межпоколенная передача этнического языка прекращается, более престижный язык, имеющий статус государственного, проникает во все коммуникативные сферы, включая семейно-бытовую и религиозную. Северные диалекты селькупского языка, по оценкам авторов «Диалектологического атласа уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа», имеют 600 носителей [1], а южные диалекты – менее пяти [2]. Целью исследования является описание и сопоставление морфосинтаксических средств кодирования посессивных отношений в именных посессивных конструкциях с местоименным посессором в трех селькупских диалектах: васюганском, среднеобском и нарымском. Именные посессивные конструкции составляют одну именную группу, в рамках которой при помощи морфосинтаксических средств выражаются отношения принадлежности между посессором и обладаемым. Языковыми средствами передачи отношений посессивности в именной группе с местоименным посессором в исследуемых диалектах могут служить: аффиксация (лично-притяжательные или посессивные суффиксы, маркеры генитива), разряды местоимений (личные местоимения с ярко выраженными функциями притяжательных местоимений). Что касается локализации эксплицитно выраженных маркеров посессивности, то в васюганском, среднеобском и нарымском диалектах селькупского языка представлены вершинное маркирование, зависимостное маркирование и двойное маркирование. Типичным случаем для васюганского, среднеобского и нарымского диалектов селькупского языка является имплицитное выражение посессора при облигаторном вершинном маркировании обладаемого в случае выражения неотчуждаемой принадлежности. В среднеобском диалекте употребляется нетипичная для селькупского языка конструкция, кодирующая посессивные отношения, в которых посессор кодируется местоимениями функционально схожими с притяжательными местоимениями с суффиксом *-nāni*. Именные посессивные

конструкции с обладателем, выраженным именем, и предикативные посессивные конструкции в настоящей статье не рассматриваются. Исследование выполнено на базе корпуса текстов васюганского, среднеобского и нарымского диалектов селькупского языка из архива кафедры ЯНС ТГПУ, которые опубликованы в сборниках «Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала» (2010, 2012, 2013, 2015).

Ключевые слова: посессивность; именные посессивные конструкции; центральные и южные диалекты селькупского языка.

Введение

Селькупы – один из миноритарных народов Сибири, который проживал на данной территории еще задолго до завоевания Сибири русскими в 1598 г. [3, 4].

Селькупский язык – единственный «живой» представитель южносамодийской группы уральской языковой семьи. Он распространен в изолированных ареалах Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области в Красноселькупском (села Красноселькуп, Часелька, Сидоровск, Толька (Красноселькупская), Ратта) и Пуровском районах (села Киккиакки, Тарко-Сале, Толька (Пуровская), Быстринка); в Туруханском районе (села Фарково, Туруханск, Совречка) Красноярского края. На территории Томской области селькупы расселены в Каргасокском (села Усть-Чижалпа, Неготка и др.), Парабельском (Тюхтерево, Нарым, Пудино, Старица, Нельмач, Усть-Чузик и др.), Колпашевском (села Иванкино, Усть-Чая, Новоселово, Старокороткино и др.), Верхнекетском (села Степановка, Белый Яр, Усть-Озерное и др.), Бакчарском, Чаинском, Молчановском районах (рис. 1, 2).

В основе дифференциации селькупского языка на вариативные членения лежит лингвогеографический принцип, согласно которому выделяют два диалектных массива: северный и южный (южно-центральный). Северный диалектный массив включает среднетазовский, верхнетазовский, ларьякский и баишенский диалекты. Южный диалектный массив распадается на южную группу (среднеобской, чаинский, кетский, чулымский) и центральную (тымский, васюганский, нарымский) [5–7].

В нашей работе описываются именные посессивные конструкции с местоименным посессором в южных (васюганском, нарымском) и центральном (среднеобском) диалектах, которые находятся на грани полного исчезновения (менее пяти носителей) [2]. Распространение васюганского диалекта селькупского языка определялось на территории вдоль течения реки Васюган (поселки Каргасок, Новоюгино, Староюгино, Наунак), реки Чижалпа (поселки Невалькынак, Вольджа). Нарымский диалект распространялся вдоль течения реки Обь (поселки Пыжино, Нарым, Тюхтерево, Ласкино, Сагандуково и др.), реки Чузик (по-

Рис. 2. Расселение селькупов в Томской области

Поссесивность – одна из универсальных понятийных категорий языка, в основе которой лежат отношениями обладания между двумя различными сущностями, possessором и объектом possessивности. Институт собственности имеет длительную историю. Человек на протяжении всей своей жизни всегда чем-то или кем-то владеет, и, естественно, это находит отражение в языке. Отношения обладания между possessором и обладаемом в лингвистической литературе рассматриваются как «узкое» понимание possessивности. В «широком» понимании possessивность образует, соответственно, более широкий спектр отношений между объектами, в частности отношения между предметом и характеризующим его признаком [8. С. 25]. Это могут быть партитивные отношения, отношения родства, ассоциативные, актантные отношения, социальные отношения, отчуждаемая / неотчуждаемая принадлежность, физическая, авторская, временная, постоянная (перманентная), абстрактная и т.д. [9, 10]. Неотчуждаемая принадлежность относится к ядерному значению possessивности и обладания – это отношения часть–целое, термины родства, части тела. Остальные значения possessивности относятся к периферийным, равно как и альтернативные способы кодирования принадлежности (например, аблативное, дативное и другие типы маркирования) [8]. Изучению этого вопроса в современной научной лингвистической среде уделяется достаточно внимания. Существуют как фундаментальные труды, теоретические положения

ния которых позволяют систематизировать инвентарь языковых средств выражения данной категории в конкретном языке [9–14], так и работы, описывающие посессивность отдельно взятого языка, в том числе затрагиваются языки и обско-енисейского ареала, исследованию посессивности в которых посвящено два выпуска «Томского журнала лингвистических и антропологических исследований» [15, 16]. Существуют отдельные работы, посвященные категории посессивности на материале селькупского языка, среди которых в первую очередь необходимо упомянуть кандидатскую диссертацию А.А. Ким [17] и другие работы [18–21]. В ключевых грамматиках селькупского языка есть разделы, описывающие притяжательное склонение имен существительных [22, 23].

Методология и материалы

В задачу авторов входят описание и сопоставление морфосинтаксических средств кодирования посессивных отношений в именных посессивных конструкциях с местоименным посессором в трех селькупских диалектах: васюганском, среднеобском и нарымском.

Теоретико-методологической основой исследования служат труды по типологии адноминальной посессивности М. Копчевской-Тамм [10, 13, 14]. Синтаксически посессивные конструкции могут быть разделены на именные и предикативные. Именная посессивная конструкция представляет собой конструкцию, в которой посессор (обладатель) и обладаемое связаны синтаксической связью и входят в состав одной именной группы [10]. Именные посессивные конструкции могут быть представлены как с местоименным, так и с именным посессором. Традиционными средствами кодирования посессивных отношений в номинативных фразах могут служить: 1) эксплицитно выраженные показатели, т.е. аффиксальное маркирование (посессивные суффиксы, падежными суффиксы), 2) синтаксическое кодирование, т.е. фиксированный порядок слов или простое соположение членов группы, 3) предложные конструкции, представляющие номинативные сочетания неравноправных существительных, связанных предлогом, 4) связующие местоимения (притяжательные, возвратные), «вовлекающие» предмет в отношении принадлежности какому-либо лицу. Согласно типовой классификации, эксплицитно выраженное морфологическое маркирование именных посессивных групп может быть локализовано на вершине (вершинное маркирование), на зависимом (зависимостное маркирование) или на обоих членах именной группы (двойное маркирование) [7, 23]. При синтаксическом кодировании эксплицитные маркеры посессивности отсутствуют (нулевое маркирование).

Методы исследования, которые использовались нами в качестве основных, – корпусный анализ, наблюдение, описание, обобщение. Применение данных методов способствовало достижению поставленной цели.

Описание посессивных конструкций с именным посессором, предикативных посессивных конструкции, конструкций с внешнем посессором в диалектах селькупского языка в сопоставительном аспекте представляется перспективой дальнейшего исследования.

Материалом для анализа именных посессивных конструкций в представленных диалектах служат опубликованные материалы по селькупскому языку в томах сборника «Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала» (2010, 2012, 2013, 2015). Всего было проанализировано 8 текстов общим объемом 580 предложений на васюганском, среднеобском и нарымском диалектах селькупского языка. Сказки на среднеобском диалекте «Рябчик человеком стал», «Идя-4», «Брат и сестра» записаны А.А. Ким, Н.П. Максимовой, В.В. Быконя в д. Иванкино в 1980–1981 гг., информант Е.В. Сычина (1923 г. р., род. д. Киярово). Сказки и рассказы на васюганском диалекте «Хозяйка огня», «Девушка и лед», «Сказка про домовых», «Мы со свекровью в тайгу пошли» записаны Н.П. Максимовой, И.А. Ильяшенко в 1983 г. в п. Каргасок, информант Д.Н. Чинина (род. д. Вольджа по реке Чижакпа). Прозаические рассказы на нарымском диалекте «2-Рассказ о жизни», «Рассказ о жизни» записаны Н.П. Максимовой, И.А. Ильяшенко в 1984–1985 гг. в д. Нельмач, информанты А.И. Саиспаева (1890 г. р., род. д. Кенги) и А.Г. Саиспаева (1928 г. р., род. д. Саиспаево). Анализируемый материал составляет часть коллекции архива кафедры ЯНС имени И.П. Дульзона ТГПУ, который был глоссирован и представлен к печати учеными лаборатории (А.В. Байдак, Н.П. Максимовой, И.А. Ильяшенко, С.В. Ковылиным, Н.Л. Федотовой).

Результаты исследования

Авторами ключевых грамматик селькупского языка в системе склонения личных местоимений выделяются маркеры генитива, служащие для выражения отношений обладания в именных посессивных конструкциях [22, 23]. Однако следует уточнить, что маркером генитива посессор оформляется только в третьем лице. Посессор в именной посессивной конструкции, выраженный личным местоимением 1-го или 2-го лица морфологически не маркируется, т.е. совпадает по форме с основным падежом. Обладанное в рассматриваемых диалектах оформляется посессивным суффиксом, кодирующим лицо и число посессора. Порядок следования членов именной группы в селькупских диалектах строго определен: посессор всегда предшествует марки-

рованному корреляту посессивных отношений, как продемонстрировано в примерах (1–8):

(1) Вас. *tat* (2SG) *man* (1SG) *al'man-my* (ребенок-POSS.1SG) *čadal* – ‘Ты моего ребенка обжег’ [1. С. 81].

(2) Вас. *m'i* (1PL) *tedo-my-p* (вещь-POSS.1PL-ACC) *abyldē* – ‘**Наши вещи** съест (сожжет)’ [Там же. С. 78].

(3) Вас. *mat* (1SG) *elma-ni-m* (ребенок-PL-POSS.1SG-) *uyuldzēRin eyak ružel naldynan* – ‘**Мои дети** были дома с русской женщиной’ [2. С. 113].

(4) Ср.-об. *mat* (1SG) *ambu-m* (мать-POSS.1SG) *elža tom nom.* – ‘**Моя мама** жила 100 лет’ [3].

(5) Нар. *mat* (1SG) *āra-m* (муж-POSS.1SG) *kumba...* ‘**Мой муж** умер...’ [4. С. 128].

(6) Вас. *tab man* (1SG) *hajo-m* (глаз-POSS.1SG) *üsse qamžeyut.* ‘Она **мои глаза** водой залила’ [1. С. 92].

(7) Вас. *tat mat* (1SG) *tar-m* (шерсть-POSS.1SG) *taq püžed.* ‘Ты **мою шерсть** состриги’ [5. С. 166].

(8) Вас. *mat* (1SG) *mydo-m* (печень-POSS.1SG) *tüt to blekand onenž pīreyend pende.* ‘**Мою печень** на ту сторону костра положи’ [Там же. С. 167].

Расширенная парадигма склонения личных местоимений диалектов селькупского языка включает суффиксы генитива **-t**, **-n** только для 3-го лица, которые заимствованы из системы склонения существительных. Во всех приведенных выше примерах, обладаемый объект эксплицитно маркировался лично-числовым кодированием посессора. В конструкциях с посессором, выраженным личным местоимением 3-го лица, обладаемое, как правило, морфологически лично-числовым (посессивным) показателем не маркируется, а маркер отношений обладания локализован на посессоре, как представлено в примерах (9–13):

(9) Вас. *tabdyd-t* (3PL-GEN) *el* (душа) *mad'et kutko.* ‘**Их души** лесными (лешими) становятся’ [6. С. 188].

(10) Вас. *tab uz na nelqut t'anep t'anut taby-n* (3SG-GEN) *moγo-ut* (спина-PROL) *koja.* ‘Он уж этой женщины мысли знает (знает, что она думает) за **ее спиной** идет’ [Там же. С. 194].

(11) Ср.-об. *nat'an warka taby-n* (3SG-GEN) *n'en'n'a* (сестра). ‘**Его сестра** живет здесь’ [7. С. 156].

(12) Ср.-об. *tabla-n* (3PL-GEN) *n'en'n'a* (сестра) *t'angus mātqut.* ‘**Их сестры** не было дома’ [Там же. С. 153].

(13) Ср.-об. *taby-n* (3SG-GEN) *mūno-p* (палец-ACC) *kessek orassyt.* ‘Она крепко схватила **его палец**’ [Там же. С. 161].

В исследуемых диалектах маркирование посессивности в именных конструкциях с местоименным посессором 1-го и 2-го лица, отражающее морфосинтаксическую связь, локализовано на вершине именной группы, т.е. на обладаемом. В то время как эксплицитно выраженное морфосинтаксическое маркирование именной конструкции с ме-

стоименным посессором 3-го лица локализовано на зависимом, т.е. на посессоре. Коррелят посессивности в группе с местоименным посессором 3-го лица, как правило, освобожден от посессивного маркирования, кодирующего лично-числовую информацию обладателя. Таким образом, в рамках одной системы выявляется два вида локализации морфосинтаксического маркирования для выражения отношений обладания – на вершине посессивной именной группы и на зависимом ее члене.

Анализируя прозаические тексты васюганского, среднеобского и нарымского диалектов селькупского языка, были отмечены примеры с эксплицитно выраженным морфологическим маркированием одновременно двух членов посессивной конструкции с местоименным посессором третьего лица, например (14, 15):

(14) Вас. **taby-t** (3SG-GEN) **amba-d** (мать-POSS.3SG)
‘его мама’

(15) Вас. *mat taby-t* (3SG-GEN) *šid'e-un-de* (сердце-PROL-POSS.3SG) *tūm m'elag'e*. ‘Я дам огонь из *ego cepдца*’ [1. С. 93].

Примеры (14, 15) иллюстрируют двойное маркирование. Однако одновременная локализация маркеров посессивности на посессоре и обладаемом не является частотным случаем употребления для исследуемых диалектов селькупского языка.

Личные местоимения в роли субъекта действия в селькупском языке могут быть выражены имплицитно. Благодаря развитой парадигме лично-числовой именной и глагольной аффиксации, в селькупском языке допускается опущение немаркированного личного местоимения не только в функции подлежащего, но и эллипсис немаркированного личного местоимения, кодирующего посессора в атрибутивной посессивной конструкции при облигаторном вершинном маркировании (16–25):

(16) Ср.-об. *n'en'n'a-la-t* (сестра-PL-POSS.3SG) *šerbat māt*. ‘Ее сестры вошли в дом’ [7. С. 153].

(17) Ср.-об. *qonžyrnyt: ara-t* (муж-POSS.3SG) *pad'albl'e eppa*. ‘Увидела – *ее муж* изрубленный лежит’ [Там же. С. 146].

(18) Ср.-об. *tabla swāṅ warkyzat, tab paja-m-d* (жена-ACC-POSS.3SG) *nādyrs*. ‘Они хорошо жили, он *свою жену* любил’ [Там же. С. 150].

(19) Ср.-об. *kužat qōdymba tab ne-gy-n-t* (дочь-LAT-GEN-POSS.3SG) *ēžalgumba*. ‘Когда болел, он *своей дочери* говорил’ [8. С. 167].

(20) Вас. *i-l'ika-dy* (DIM-POSS.3SG) *ukuk čura*. ‘*Ее маленький сын* громко кричал’ [1. С. 84].

(21) Вас. *amba-dy* (мать-POSS.3SG) *tanetymba*. ‘*Ее мать* придумала’ [Там же. С. 84].

(22) Вас. *amba-ut* (мать-POSS.1PL) *m'iṅenynt čenča*. ‘*Наша мама* говорит нам’ [Там же. С. 77].

(23) Вас. *t̄-l'ika-m-dy* (сын-DIM-ACC-POSS.3SG) *n'ewrešpat*. '(Она) кормила грудью *своего маленького сына*' [Там же. С. 80].

(24) Вас. *undo-d* (борода-POSS.3SG) *qanded'imba ulyond*. '*Его борода* примерзла ко льду' [5. С. 156].

(25) Нар. ....*ko-m* (N-POSS.3SG) *ōnda hajō-m* (POSS.1SG) *keŋ ā konžirnit*. '*Мои уши* слышат, *глаз* плохо видит' [4. С. 130].

Примеры (16–25) подтверждают, что имплицитно выраженный местоименный посессор обычно встречается в посессивной конструкции, в которой отношения передают неотчуждаемую ('*моя голова*') или родственную принадлежность ('*моя мать*').

В примере (26) выявляются две именные посессивные конструкции: с местоименным посессором (*tī t̄-lika-n-dyt* '*твой сыночек*') и именным (*t̄-lika-n-dyt šid'e-un-de* '*сыночка сердце*'), где обладаемое первой группы выступает одновременно посессором второй группы. Слово '*сыночек*', выступая вершиной первой местоименной посессивной конструкции, маркировано показателем со значением лица и числа обладателя, а являясь зависимым второй посессивной конструкции, оформляется еще и суффиксом генитива *-n*. Коррелят посессивных отношений второй номинативной группы также сохраняет на себе личное-числовое маркирование посессора.

(26) Вас. *mat tī* (2PL) *t̄-lika-n-dyt* (сын-DIM-GEN-POSS.2PL/SG) *šid'e-un-de* (сердце-PROL-POSS.3SG) *t̄im m'el'ange* '*Я из сердца вашего сыночка* огонь дам' [1. С. 93].

Пример (27) также демонстрирует две посессивные конструкции: *taby-t ära-n-dy* '*ее муж*' и *ära-n-dy amba-d* '*мать мужа*' в одном предложении. Каждый член первой именной посессивной конструкции с местоименным посессором *taby-t ära-n-dy* '*ее муж*' маркирован показателем генитива на том основании, что посессор выражен местоимением 3-го лица, а коррелят посессивных отношений одновременно является посессором второй именной посессивной группы. Оба обладаемых кодированы посессивными суффиксами лица и числа посессора.

(27) Вас. *na koreŋyt warga taby-t* (3SG-GEN) *ära-n-dy* (муж-GEN-POSS.3SG) *amba-d* (мать-POSS.3SG). '*В этом балагане живет мать ее мужа*' [1. С. 87].

В среднеобском диалекте употребляется нетипичная для селькупского языка конструкция, кодирующая посессивные отношения, в которых посессор кодируется местоимениями, функционально схожими с притяжательными местоимениями. Выявляется парадигма местоимений 1-го и 2-го лица: *tannāni* '*мой*', *minnāni* '*наш*', *tannāni* '*твой*', *tinnāni* '*ваше*' [22], которые по своим функциональным свойствам близки к притяжательным местоимениям. Эксплицитно выраженное маркирование посессивных отношений на вершине сохраняется, а кодирование посессора местоимениями, функционально близкими при-

тяжательным, с легко вычленяемым суффиксом *-nāni*, позволяет говорить о двойном кодировании посессивности в подобного рода конструкциях в среднеобском диалекте селькупского языка. Кодирование посессора немаркированными личными местоимениями 1-го и 2-го лица в среднеобском диалекте селькупского языка сохраняется, но случаи употребления именных посессивных конструкций, кодированных личными местоимениями, функционально близким притяжательным, наиболее частотны. Ср. примеры (28, 29):

- (28) Ср.-об. *tannāni* *ī-m*
 1SG-POSS сын-POSS.1SG
 ‘мой сын’
- (29) Ср.-об. *mat* *ī-m*
 1SG N-POSS.1SG
 ‘мой сын’

В подтверждение вышеизложенному представлены примеры из языкового материала среднеобского диалекта селькупского языка (30–37).

(30) Ср.-об. *tannāni* (1SG/POSS) *ī-m* (сын-POSS.1SG) *nadygu kyga*. ‘Мой сын хочет жениться’ [7. С. 141].

(31) Ср.-об. *tinnāni* (2PL/POSS) *nē-m-d* (дочь-ACC-POSS.2SG) *kyga igy*. ‘(Он) хочет взять *Вашу дочь*’ [Там же. С. 142].

(32) Ср.-об. *tannāni* (1SG/POSS) *ī-m* (сын-POSS.1SG) *pēga* ‘Мой сын рябчик’ [Там же. С. 145].

(33) Ср.-об. *na nauyp ēžalgwa*: “*na tannāni* (1SG) *t'emn'a-m* (брат-POSS.1SG) «Женщина говорит: “Это мой брат”» [Там же. С. 157].

(34) Ср.-об. *mināni* (1PL/POSS) *n'en'n'a-m* (сестра-POSS.3PL) *swāk warka*. ‘*Наша сестра* живет хорошо’ [Там же. С. 152].

(35) Ср.-об. *ēžalgwa tannāni* (2SG/POSS) *t'emn'a-l* (брат-POSS.2SG) *ol* (голова). «Он говорит: ‘*Твоего брата* голова?’» [8. С. 182].

(36) Ср.-об. *tannāni* (1SG/POSS) *ara-m* (муж-POSS.1SG) *kudy qadymba*. ‘Мой муж куда-то делся’ [7. С. 155].

Местоимения с суффиксом *-nāni*, близкие по своей функции к притяжательным, могут кодировать не только посессора в составе именной посессивной конструкции, но и употребляться независимо, не вступая в отношения обладания с другими членами предложения, – в функции подлежащего, именной части сказуемого или дополнения (37).

(37) Ср.-об. *aza ūdenžal, tannāni* (2SG/POSS) *enža* ‘Не отпустишь – *твой* будет’ [Там же. С. 158].

Заключение

Наиболее распространенными именными посессивными конструкциями для васюганского, нарымского и среднеобского диалектов селькупского языка являются конструкции с вершинным маркированием отноше-

ний посессивности при местоименном посессоре 1-го и 2-го лица. Владелец, выраженный местоимением 3-го лица, кодируется маркером генитива, а обладаемое, как правило, остается не маркированным. В среднеобском диалекте селькупского языка конструкции с местоименным посессором 1-го и 2-го лица, кодированные личными местоимениями, функционально близкими к притяжательным, наиболее частотны в употреблении. Языковыми средствами для кодирования отношений обладания в описываемых диалектах селькупского языка могут служить: посессивные суффиксы, кодирующие лицо и число посессора, маркеры генитива *-t*, *-n*, личные местоимения 1-го и 2-го лица с суффиксом *-nāni*, близкие по своим функциональным особенностям к притяжательным. Типичными для исследуемых диалектов селькупского языка являются именные посессивные конструкции с имплицитно выраженным посессором при облигаторном маркировании обладаемого аффиксами посессивности.

Сокращения

1 – первое лицо, 2 – второе лицо, 3 – третье лицо, Вас. – васюганский диалект селькупского языка, нар. – нарымский диалект селькупского языка, ср.-об. – среднеобской диалект селькупского языка, ACC – аккузатив, DIM – диминутивный суффикс, DU – двойственное число, GEN – генитив, LAT – латив, PL – plural, POSS – посессивный суффикс, PROL – пролатив, SG – единственное число.

Источники языкового материала

1. Записали здесь и далее: Байдак А.В., Максимова Н.П. Хозяйка огня. Селькупские тексты // Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала / отв. ред. А.Ю. Фильченко. Томск : Вайар, 2012. Т. 2. С. 72–100.
2. Байдак А.В., Максимова Н.П., Ковылин С.В., Ильяшенко И.А. История о жизни. Селькупские тексты // Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала / отв. ред. А.Ю. Фильченко. Томск : Вайар, 2015. Т. 4. С. 133–149.
3. Ким А.А., Максимова Н.П., Быконя В.В. Материал по селькупскому языку. Полевые записи // Архив кафедры языков народов Сибири Томского государственного университета. Томск, 1980. Т. 55.
4. Байдак А.В., Максимова Н.П., Ковылин С.В., Ильяшенко И.А. Рассказ о жизни-2. Селькупские тексты // Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала / отв. ред. А.Ю. Фильченко. Томск : Вайар, 2015. Т. 4. С. 133–132.
5. Байдак А.В., Максимова Н.П., Федотова Н.Л., Ковылин С.В. Девушка и лед. Селькупские тексты // Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала / отв. ред. А.Ю. Фильченко. Томск : Вайар, 2013. Т. 3. С. 153–201.
6. Байдак А.В., Максимова Н.П., Федотова Н.Л., Ковылин С.В. Сказка про домовых. Селькупские тексты // Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала / отв. ред. А.Ю. Фильченко. Томск : Вайар, 2013. Т. 3. С. 185–200.
7. Ким А.А., Байдак А.В., Максимова Н.П., Федотова Н.Л. Рябчик человеком стал. Селькупские тексты // Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала / отв. ред. А.Ю. Фильченко. Томск : Ветер, 2010. Т. 1. С. 133–162.
8. Ким А.А., Байдак А.В., Максимова Н.П., Федотова Н.Л. Брат и сестра. Селькупские тексты // Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала / отв. ред. А.Ю. Фильченко. Томск : Ветер, 2010. Т. 1. С. 163–183.

Литература

1. Кошкарёва Н.Б., Кашкин Е., Коряков Ю.Б., Казакевич О.А., Буркова С.И., Муравьев Н.А., Будянская Е.М. Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / под ред. Н. Б. Кошкарёвой. Калининград : РОСТ-ДООАФК, 2017.
2. Filchenko A. Asymmetric Negation in Eastern Khanty and Southern Selkup // Journal of Linguistics and Anthropology. 2013. Vol. 2 (2). P. 29–50.
3. Олех Л.Г. История Сибири. Новосибирск : Сибирское соглашение, 2001.
4. Vorobeva V., Fedorinova Z., Kolesnik E. Three Crucial Crises in the Development of the Khanty and Mansi Unique Culture // Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2015. Vol. 206: Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations, LKTI. P. 108–113.
5. Janurik T.A. Szölkup nyelvjárások osztályozása // Nyelvtudományi Közlemények. 1978. № 80. P. 77–104.
6. Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск : Изд-во ТПУ, 2012. С. 49–63.
7. Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2014. 224 с.
8. Граценков П.В. Типология possessивных конструкций // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 25–54.
9. Heine B. Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization (Cambridge Studies in Linguistics 83). Cambridge, 1997.
10. Koptjevskaja-Tamm M. Adnominal Possession // Language Typology and Language Universals. Berlin, 2001. Vol. 2. P. 960–970.
11. Seiler H. Possession as an operational dimension of language (Language universals series 2). Tübingen, 1983.
12. Stassen L. Predicative Possession. New York : Oxford University Press, 2009.
13. Koptjevskaja-Tamm M. Adnominal Possession in the European Languages: Form and Function // Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF). 2002. Vol. 55, № 2. P. 141–172.
14. Koptjevskaja-Tamm M. Possessive Noun Phrases in the Languages of Europe. Noun Phrase Structure in the Languages of Europe. Berlin ; New York, 2003. P. 621–722.
15. Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology / отв. ред. А.Ю. Фильченко. Tomsk, 2015. URL: <https://ling.tspu.edu.ru/en/archive.html?year=2015&issue=4>
16. Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology / отв. ред. А.Ю. Фильченко. Tomsk, 2016. URL: <https://ling.tspu.edu.ru/en/archive.html?year=2016>
17. Кум А.А. Выражение категории принадлежности в диалектах селькупского языка : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1986. 205 с.
18. Budzisch J. Possession in Southern Selkup // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2015. Vol. 4. P. 45–50.
19. Полякова Н.В. Средства выражения possessивных отношений в диалектах селькупского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований / Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2015. Вып. 4 (10). С. 51–54.
20. Полякова Н.В., Воробьева В.В. Предикативные средства выражения possessивности в диалектах селькупского языка // Межкультурная коммуникация: теория и практика : сб. науч. тр. XVI Междунар. науч.-практ. конф. «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». Томск : Изд-во ТПУ, 2016. С. 212–215.
21. Vorobeva V., Novitskaja I., Girfanova K., Vesnin V. Adnominal Possessive Constructions in Narym, Vasjagan and Middle-Ob Dialects of Selkup // Linguistica Uralica. 2017. Vol. 53, № 1. P. 54–64.

22. Беккер Э.Г., Алиткина Л.А., Быконя В.В., Ильяшенко И.А. Морфология селькупского языка (южные диалекты). Томск : Изд-во ТПИ, 1995. Ч. II.
23. Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкіна Е.В. Очерки по селькупскому языку (тазовский диалект). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980.
24. Nichols J., Bickel B. Locus of Marking in Possessive Noun Phrases // The World Atlas of Language Structures Online / ed. by Dryer, Matthew S., Haspelmath M. URL: <http://wals.info/chapter/24>, 2013. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology.

Сведения об авторах:

Воробьева Виктория Владимировна – доцент кафедры ОИЯ ШБИП Томского политехнического университета (Россия, Томск), старший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия, Томск). E-mail: victoriavorobeva@mail.ru

Полякова Наталья Владимировна – доцент кафедры перевода и переводоведения Томского государственного педагогического университета (Россия, Томск). E-mail: nataliapoliakova@yahoo.com

Поступила в редакцию 11 января 2018 г.

ADNOMINAL POSSESSIVE CONSTRUCTIONS WITH A PRONOMINAL POSSESSOR IN NARYM, VASYUGAN AND MIDDLE-OB DIALECTS OF SELKUP

Vorobeva V.V., Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University; Senior Researcher, Laboratory of Linguistic Anthropology, Faculty of Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: victoriavorobeva@mail.ru

Polyakova N.V., Associate Professor, Department of Translation and Translation Studies, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). E-mail: nataliapoliakova@yahoo.com

DOI: 10.17223/19996195/41/3

Abstract. The paper considers the adnominal possessive constructions in three Southern-Central dialects of Selkup: Narym, Vasyugan and Middle-Ob. Nowadays the communicative energy of Selkup is dangerously decreasing due to the fact that the intergenerational ethnic language transmission is on the verge of disappearance. Russian as a more prestigious language penetrates all communicative realms including families. Syntactically possessive constructions are traditionally differentiated into adnominal and predicative. The present study focuses on adnominal possessive constructions that compose single noun phrases used to convey possessive relations between the possessor and the possessum. The language means used to encode the concept of possession in a noun phrase in Southern-Central Selkup are: affixation (possessive suffixes, genitive markers), the class of pronouns (personal with possessive-like properties). The locus of explicitly expressed markers encoding the possessive relation can be on the head, on the dependent, on both constituents of the possessive noun phrase. The analysis is conducted on the text corpora from the language archive of the Department of Siberian Ingenious Languages published in “Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenisei Linguistic Area” (2010, 2012, 2013, 2015).

Keywords: possession; adnominal possessive constructions; Southern and Central Selkup dialects.

Acknowledgments: The research was completed with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Grant No. 14.Y26.31.0014) within the framework of implementation of research project "Linguistic and ethno-cultural diversity of Southern Siberia in synchrony and diachrony: the interaction of languages and cultures".

References

1. Koshkarjova N.B., Kashkin E., Korjakov Yu.B., Kazakevich O.A., Burkova S.I., Murav'ev N.A., Budjanskaja E.M. (2017) *Dialektologičeskij atlas ural'skikh jazykov, rasprostranennyh na territorii jamalo-neneckogo avtonomnogo okruga* [Dialectological atlas of Ural languages, distributed in the territory of the Yamal-Nenets autonomous district] / ed. N. B. Koshkarjova. Kaliningrad.
2. Filchenko A. (2013) Asymmetric Negation in Eastern Khanty and Southern Selkup // *Journal of Linguistics and Anthropology*. Tomsk. 2 (2). pp. 29-50.
3. Olekh L.G. (2001) *Istorija Sibiri* [The History of Siberia]. Novosibirsk: Sibirskoe soglashenie.
4. Vorobeva V., Fedorinova Z., Kolesnik E. (2015) Three Crucial Crises in the Development of the Khanty and Mansi Unique Culture // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 206. pp. 108-113.
5. Janurik T.A. (1978) Szölkup nyelvjárások osztályozása // *Nyelvtudományi Közlemények*. pp. 77–104.
6. Glushkov S. V., Bajdak A. V., Maksimova N. P. (2012) *Dialekty sel'kupskogo jazyka* [Dialects of Selkup language] // *Sel'kupy: Očerki tradicionnoj kul'tury i sel'kupskogo jazyka*. Tomsk: Iz-vo Tomskogo politehnicheskogo universiteta. pp. 49-63.
7. Tuchkova N.A. (2014) *Sel'kupskaja ojkumena. Obzhitoe prostranstvo sel'kupov južnyh i central'nyh dialektnyh grupp* [Selkup oecumene. The settled space of the Selkups of Southern and Central dialect groups]. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. ped. un-ta.
8. Grashhenkov P.V. (2007) *Tipologija possessivnykh konstrukcij* [Typology of possessive constructions] // *Voprosy jazykoznanija*. Moskva. 3. pp. 25-54.
9. Heine B. (1997) *Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization* (Cambridge Studies in Linguistics 83). Cambridge.
10. Koptjevskaja-Tamm M. (2001) *Adnominal Possession / Language Typology and Language Universals*. Berlin. 2. pp. 960-970.
11. Seiler H. (1983) *Possession as an operational dimension of language* (Language universals series 2). Tübingen.
12. Stassen L. (2009) *Predicative Possession*. New York: Oxford University Press.
13. Koptjevskaja-Tamm M. (2002) *Adnominal Possession in the European Languages: Form and Function / Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF)*. 55 (2). pp. 141-172.
14. Koptjevskaja-Tamm M. (2003) *Possessive Noun Phrases in the Languages of Europe. Noun Phrase Structure in the Languages of Europe*. Berlin–New York. pp. 621–722.
15. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology* (2015) / Ed. Filchenko A. Tomsk // <https://ling.tspu.edu.ru/en/archive.html?year=2015&issue=4>
16. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology* (2016) / Ed. Filchenko A. Tomsk // <https://ling.tspu.edu.ru/en/archive.html?year=2016>
17. Kim A. A. (1986.) *Vyrazhenie kategorii prinadležnosti v dialektah sel'kupskogo jazyka* [Expression of possession in the dialects of Selkup]. Philology cand. diss. Tomsk.
18. Budzisch J. (2015) *Possession in Southern Selkup* // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 4. pp. 45-50.
19. Poljakova N. V. (2015) *Sredstva vyrazhenija possessivnykh otnoshenij v dialektah sel'kupskogo jazyka* [Means of expressing possessive relations in the dialects of Selkup] // *Tomskij žurnal lingvističeskikh i antropologičeskikh issledovanij*. Tomsk. 4 (10). pp. 51-54.
20. Poljakova N. V., Vorobeva V. V. (2016) *Predicative means of expressing possession in dialects of Selkup* // *Mezhkul'turnaja kommunikacija: teorija i praktika: sbornik nauchnyh trudov XVI Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii "Lingvističeskie i kul'turologičeskie tradicii i innovacii"*. Tomsk: TPU. pp. 212-215.
21. Vorobyova V., Novitskaja I., Girfanova K., Vesnin V. (2017) *Adnominal Possessive Constructions in Narym, Vasjugan and Middle-Ob Dialects of Selkup* // *Linguistica Uralica*. 53 (1). pp. 54–64.

22. Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonja V. V., Il'jashenko I. A. (1995) Morfologija sel'kupskogo jazyka (juzhnye dialekty) [Morphology of Selkup (Southern dialects)]. Tomsk: TPU. Ch. II.
23. Kuznecova A. I., Helimskij E. A., Grushkina E. V. (1980) Oчерки по sel'kupskomu jazyku (tazovskij dialekt). [Essays on the Selkup language (Tazovsky dialect)]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
24. Nichols J., Bickel B. (2013) Locus of Marking in Possessive Noun Phrases // The World Atlas of Language Structures Online/ Ed. Dryer, Matthew S., Haspelmath, Martin // <http://wals.info/chapter/24>. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology.
25. Bajdak A. V., Maksimova N. P. (2012) Khozjajka ognya [The mistress of fire]. Sel'kupskie teksty // Annotirovannye fol'klornye teksty obsko-enisejskogo jazykovogo areala / Otv. red. Fil'chenko A. Yu. Tomsk: Vajar. 2. pp. 72-100.
26. Bajdak A. V., Maksimova N. P., Kovylin S. V., Il'jashenko I. A. (2015) Istorija o zhizni [A story about life]. Sel'kupskie teksty // Annotirovannye fol'klornye teksty obsko-enisejskogo jazykovogo areala / Otv. red. Fil'chenko A. Yu. Tomsk: Vajar. 4. pp. 133-149.
27. Kim A. A., Maksimova N. P., Bykonja V.V. (1980) Material po sel'kupskomu jazyku. Polevye zapisi [Material on the Selkup language. Field records] // Arkhiv kafedry jazykov narodov Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Tomsk. 55.
28. Bajdak A.V., Maksimova N. P., Kovylin S. V., Il'jashenko I. A. (2015) Rasskaz o zhizni-2. [A story about life 2]. Sel'kupskie teksty // Annotirovannye fol'klornye teksty obsko-enisejskogo jazykovogo areala / Otv. red. Fil'chenko A. Yu. Tomsk: Vajar. 4. pp. 133-132.
29. Bajdak A.V., Maksimova N.P., Fedotova N.L., Kovylin S.V. (2013) Devushka i ljod. [A girl and ice]. Sel'kupskie teksty // Annotirovannye fol'klornye teksty obsko-enisejskogo jazykovogo areala / Otv. red. Fil'chenko A. Yu. Tomsk: Vajar. 3. pp. 153-201.
30. Bajdak A.V., Maksimova N.P., Fedotova N.L., Kovylin S.V. (2013) Skazka pro domovykh [A fairy tale about brownies]. Sel'kupskie teksty // Annotirovannye fol'klornye teksty obsko-enisejskogo jazykovogo areala / Otv. red. Fil'chenko A. Yu. Tomsk: Vajar. 3. pp.185-200.
31. Kim A.A., Bajdak A.V., Maksimova N.P., Fedotova N.L. (2010) Rjabchik chelovekom stal [A grouse turned into a human]. Sel'kupskie teksty // Annotirovannye fol'klornye teksty obsko-enisejskogo jazykovogo areala / Otv. red. Fil'chenko A. Yu. Tomsk: Veter. 1. pp. 133-162.
32. Kim A.A., Bajdak A.V., Maksimova N.P., Fedotova N.L. (2010) Brat i sestra [Brother and sister]. Sel'kupskie teksty // Annotirovannye fol'klornye teksty obsko-enisejskogo jazykovogo areala / Otv. red. Fil'chenko A. Yu. Tomsk: Veter. 1. pp. 163-183.

Received 11 January 2018